

Один день – учитель,

всю жизнь – отец,

(一天为师，一生为父)

Анатолий Шанин

**Один день – учитель,
всю жизнь – отец**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шанин А. С.

Один день – учитель, всю жизнь – отец / А. С. Шанин —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник очерков является продолжением описания событий, начатых еще в повести «Поезд идет на восток». Автор рассказывает о своей работе в качестве иностранного преподавателя русского языка в разных университетах Китая в течение девяти лет, о своих отношениях с учениками, с коллегами, с руководством кафедр, факультетов и вузов. Рассказывает о сложностях, которые встречаются в преподавании русского языка как иностранного, о поисках взаимопонимания с людьми, имеющими другой менталитет.

Содержание

Работа в городе Дуньин	5
Дарина учится в китайской школе	14
Переезд в город Чанчунь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Работа в городе Дунъин

Продолжая свое повествование, изложенное в повести «Поезд идет на восток», следует напомнить, что за год стажировки в Пекинском университете мне удалось убедиться, что работать в Китае в качестве «иностранным специалиста», то есть преподавателя университета, было значительно выгоднее, чем таковое в своей стране. Надо только найти университет, который согласится тебя пригласить на такую работу. Как помнят читатели, познакомившиеся с моей повестью «Поезд идет на восток», после многих сложностей с поисками такой возможности, мне буквально в последний момент удалось это сделать. Я был официально приглашен Нефтяным университетом Китая для работы в филиале этого университета под названием Хуадун в провинции Шаньдун.

Мы с женой и дочкой совершили длительное путешествие почти через всю Россию. Для меня все это было уже не в новинку, а у моих спутниц было очень много впечатлений. Пересекли Волгу у Ярославля, Каму у Перми, ехали вдоль красивейших пейзажей по берегам реки Чусовой. Ночью пересекли сибирские реки Тобол и Ишим. У Омска проехали Иртыш. Кроме этого было много разных больших и малых рек нашей необъятной Родины.

Наконец мы добрались до пограничного Забайкальска, а через некоторое время «наши пограничники с нашим капитаном», как пел когда-то Владимир Высоцкий, а может и без капитана, мило улыбнулись нашим девочкам, торчавшим у окошка. Девочки сделали им ручкой...

В Пекине у выхода с вокзала нас встречали представители Нефтяного университета Хуадун, в котором мне предстояло работать. Начальник отдела по работе с иностранцами господин Ван оказался довольно приветливым и веселым человеком. Ему понравилась наша дочка, которой было всего лишь 10 лет. Дарина была высокая, русоволосая девочка, и он пытался с ней заигрывать, хотя ни слова не знал по-русски, а она ни слова по-китайски. Но зато он всячески улыбался ей, стараясь добиться ее расположения. Нам дали возможность в течение двух дней посетить Пекинский зоопарк и даже отвезли на Великую китайскую стену.

После этого нас посадили в мягкое купе поезда, чтобы в течение семи часов довести до города Цзинань, центра провинции Шаньдун. Сопровождавшие нас лица ехали отдельно от нас в плацкартном вагоне. Потом мы пересели на другой уже более скромный местный поезд, чтобы еще в течение нескольких часов ехать до Дунъина. Такой вариант объезда выглядел довольно странным, потому что можно было, как я потом узнал, доехать туда с меньшими затратами на микроавтобусе университета, затратив даже меньше времени. Но принимающая сторона должна была пустить побольше пыли в глаза иностранцам, демонстрируя свою заботу. Такие внешние проявления заботы китайцев иногда даже раздражают, потому что при необходимости проявления подлинной заботы, иногда приходится сталкиваться с холодным равнодушием.

Город Дунъин находится на севере провинции Шаньдун на берегу залива Бохай недалеко от устья реки Хуанхэ. Этот район славится тем, что здесь добывают нефть и газ, причем 56.7 % от всего объема нефти, добываемой в Китае. Здесь находится нефтеперерабатывающий завод в Кенли, нефтехимический завод в Гуанчжао, химический завод в Хэжоу. На территории города есть три вуза, но главным является именно «Нефтяной университет Хуадун».

Нефтяные вышки в пр. Шаньдун

Фото из личного архива автора

Нефтяной университет Хуадун занимает обширную территорию на довольно значительном расстоянии от центра города Дуньин. Вся территория университетского кампуса, как это и положено в Китае, огорожена высокой стеной и имеет лишь два выхода. Один парадный западный и один южный. Именно у южных ворот находился отдел по работе с иностранцами и прилегающий к нему четырехэтажный дом с двумя подъездами, в квартирах которого размещались приезжающие иностранные специалисты. Кроме нас здесь жили четверо американцев – трое молодых парней и пожилая супружеская пара. Изучающих английский язык было значительно больше.

Нас разместили в трехкомнатной квартире с ванной и кухней, с кондиционером и прочим оборудованием, куда входил холодильник, телевизор, две кровати, стол, стулья, диван, два кресла. Все вещи б/у времен 50-х годов, но в более-менее нормальном состоянии. Правда, старый кондиционер работал так, что включать его было опасно. Мало того, что он грохотал, как трактор, так и была опасность в том, что он вот-вот заискрит и взорвется. А под кондиционером была щель наружу примерно в два пальца шириной, которую заткнуть было нечем. Поначалу

на эти мелочи мы как-то не обратили внимания. В Пекине нас сопровождала жара, к которой нам было трудно привыкнуть, в Дунъине стало более-менее нормально, сказывалась близость к морю. А зимой стало невыносимо холодно, и пришлось-таки как-то затыкать эту дыру.

Во время посещения местного магазина мы с удивлением заметили отсутствие молока от слова совсем. Пришлось поплакаться китайцам, которые пояснили, что для них этот продукт не является обязательным, да и производят молока в Китае не так уж много, а для маленьких детей работников университета молоко в пакетах продается по талонам. Пришлось и нам обратиться в отдел по работе с иностранцами с просьбой о выделении таких талонов для нашей дочки, поэтому в дальнейшем покупали по пакету 250 г молока в день.

Первые занятия у меня начались лишь 14 сентября. Результаты первой встречи со студентами второго курса не сильно разочаровали, но и не очень обрадовали. Коллектив в основном мужской – сказывалась специфика вуза. Студенты первого курса сначала проходят военные сборы. Все, включая девушек, переодеты в военную форму и пугают мирное население строевыми занятиями, которые проходят прямо на спортивной площадке университета. Занятия проводят специально доставленные сюда суровые армейские сержанты и офицеры. Например, меня сильно удивило одно упражнение, когда их подшефные долго стоят на одной ноге с вытянутой вперед другой ногой. Такое не придет в голову даже нашим армейским «дедам». Короче, выколачивают из этих молодых людей дурь беззаботной домашней жизни, приучают к однообразию, беспрекословному повиновению и сколачивают в коллективы.

У студентов этого специального вуза по программе мало часов отводится на иностранный язык, но зато много групп, поэтому у меня по договору получалось 12-16 часов общей нагрузки, но потом вдруг это количество выросло до 18-20 часов. Эти группы были неоднородными, так как в них собирали студентов из разных учебных групп с разных факультетов и разных специальностей. То есть на мои занятия собирались те студенты, которые раньше в школе изучали русский язык и собирались продолжать изучать этот же язык дальше. Таким образом, у меня было две большие группы, состоявшие из студентов разных групп и факультетов первого курса, две большие группы, состоявшие из таких же студентов второго курса, и группа студентов старших курсов, где официально занятий по иностранному языку уже не было предусмотрено, но они хотели поддерживать свои знания русского языка, поскольку надеялись попасть на работу по строительству и освоению нефтепровода из России, о котором в то время только-только начинались переговоры между двумя странами. Но китайцы умеют прогнозировать свои действия на будущее. Со студентами 3-4 курса работать было значительно легче, потому что они приходили на занятия факультативно по собственному желанию, отсюда и интерес, и желание работать, и общая атмосфера в классе.

К моему глубокому сожалению ни у одной группы не было хоть какой-либо программы. Вернее, программа, возможно, где-то и была, но меня с ней не познакомили. Во всяком случае, мне не объяснили, что конкретно нужно делать, какие темы изучать. Учебников, естественно, тоже не было никаких. То есть приходи и учи. Чему-нибудь и как-нибудь. Но обязательно учи разговорной практике. При отсутствии какой-либо методики и учебных материалов. Все мои советы, просьбы и пожелания встречались если не в штыки, то вежливо отклонялись. Заметно, что никому ничего не надо.

Пришлось самому наметить хоть какие-то темы и попытаться разговорить этих ребят, опираясь на ту базу, которую они имеют. То есть начать со знакомства, потом постепенно выводить на кое-какие бытовые темы. Приходилось работать таким клоуном, массовиком-затейником с неоднородной публикой, пытаюсь разговорить своих подопечных, большая часть которых даже рот открыть боится. Стесняются. Особенно девочки. Боятся сделать ошибку, и таким образом потерять лицо.

– Милые мои, да поймите же вы наконец, что для того чтобы научиться плавать, надо сначала прыгнуть в воду, а для того чтобы научиться говорить, надо, как минимум, для начала открыть рот, – сказал я сначала на русском.

Вижу, не понимают. Тогда перевел на китайский. Заулыбались.

Задаю простенький вопрос. Кто-то отвечает. Задаю почти такой же вопрос другому. Молчит. Спрашиваю на китайском. Отвечает. Прошу это же самое сказать на русском. Не может. Отвечаю за него. Прошу повторить. Сначала одного, потом всех. Поехали!

В целом работать было не сложно, отношение со стороны студентов и преподавателей доброжелательное. Что-то пыталась делать одна молодая преподавательница, но и она по молодости не понимает многих особенностей преподавания иностранного языка. Предложила нам озвучить материалы по аудированию, составленные явно не специалистами по иностранному языку, совершенно без учета знаний студентов, не понимая того, что для аудирования необходимы элементарные знания обычной фонетики.

А уже через десять дней опять началась праздничная неделя, посвященная Дню образования КНР, во время которой нам предложили съездить на родину Конфуция в город Цюйфу этой же провинции Шаньдун. Нам выделили довольно комфортный микроавтобус. Ехали всем российско-американо-китайским коллективом, то есть иностранных преподавателей сопровождал начальник отдела по делам иностранных специалистов с женой и маленьким сыном. Почти целый день мы были в пути.

Фото из личного архива автора

В городе Цюйфу мы разместились в гостинице местного педагогического института, а на следующий день пошли на экскурсию по историческим местам: посетили усадьбу семьи Конфуция, другие места, связанные с его именем, старое кладбище, на котором, к сожалению, так и не смогли найти могилы этого знаменитого китайского философа.

Попали даже на торжества, которые были организованы местными властями по случаю дня рождения Конфуция. На такие торжества приезжают не только китайцы из разных мест

Китая, но и ученые-конфуцианцы, последователи его учения из разных стран мира. Правда, в тот день понять, что именно здесь происходит, я не смог.

Потом мы отправились в город Тайюань, где находится знаменитая в Китае гора Тайшань. Многие китайцы считают своим долгом обязательно посетить эту гору, подняться на нее, а еще лучше встретить на вершине рассвет. Такое, конечно, по плечу только молодежи, но то обилие людей разных возрастов, которое мы там встретили, поражало. Все-таки это была настоящая гора, а не какой-то холмик Сяншань, который, как настоящую гору, ежегодно штурмуют жители Пекина, подражая японцам ежегодно «штурмующим» Фудзияму.

До середины горы нас, к счастью, подвезли на автобусе, а дальше предложили либо подниматься пешком, либо подняться на фуникулере. Мы поначалу попытались выстоять длинную очередь на фуникулер, но потом поняли всю тщетность своих намерений, оставили эту затею и разумно решили возвратиться в гостиницу. Фуникулера дождались только молодые американцы. А поскольку наш автобус уже ушел, нам пришлось спускаться с горы пешком. Спускались мы, конечно, по добротной лестнице, которая там проложена, но и это оказалось весьма нелегким делом. И результаты этого перехода сказались на следующий день, когда мы с трудом смогли встать на ноги. Очень сильно болели икры ног.

За пару месяцев мы хорошо познакомились и с самим городом, и с его окрестностями. Интересное открытие для себя мы сделали во время одной из первых поездок, когда нас возили всех вместе на микроавтобусе. Когда мы проезжали по улице одного из поселков на окраине города, то обратили внимание, что прямо по улице бродят черные свиньи. Они спокойно переходили с одного места на другое, копались в помойках, подбирая все, что только было по их вкусу, то есть они были отпущены на самообеспечение. Это для нас было шоком. Американские парни откровенно смеялись над увиденным.

Когда мы выезжали в город и ходили по улицам и по магазинам, то всегда за нами увязывались несколько китайцев разного пола и возраста, которые бесцеремонно оглядывали нас с головы до ног и старательно прислушивались к нашему разговору. Когда мы заходили в большие магазины, то чуть ли не со всего магазина сбегались продавщицы, чтобы только посмотреть на иностранцев. Для людей в этом захолустном городке иностранцы были невообразимой экзотикой, которой они никогда не видели. Невольно напрашивалась параллель с описанием Миклухо-Маклая о его первых встречах с папуасами.

Но, как оказалось, это были еще цветочки. Нам предстояло увидеть более серьезные вещи, которые могут происходить в небольших городах. Однажды в свободное время, когда дочка уже пришла из школы, а у меня не было занятий, мы решили съездить в город, чтобы побродить по магазинам. Находясь в одном из небольших магазинчиков, мы услышали рев сирены. Все покупатели стали выбегать на улицу, мы последовали за ними. По улицам этого города с жутким воем сирен на небольшой скорости ехала колонна военных машин. На трех из них в открытом кузове у кабины водителя стояли по два связанных преступника с табличками на груди. На табличке значилось имя и состав преступления. Среди преступников была одна женщина. Разглядеть, за что их приговорили, я не успел – был шокирован всей этой жутью. Каждого преступника с двух сторон за руки держали конвоиры, один из них второй рукой поднимал голову преступника, чтобы все окружающие видели его лицо. Колонну замыкала еще одна машина со взводом вооруженных солдат в кузове.

Не успели мы дойти до следующего перекрестка, как эта же колонна встретила нас двигающейся уже по другой улице, то есть колонна специально проезжала по улицам города перед тем, как отправиться к месту казни.

Во время другой такой поездки, а ездили мы на общественном транспорте, в простом автобусе я поймал воришку буквально за руку, которая была уже в моем кармане. Никто, ни пассажиры, ни кондуктор на это никак не отреагировали. Пришлось просто вытолкнуть парня на следующей остановке из автобуса. Криминогенная обстановка, похоже, оставляет желать

лучшего. Много безработных, поэтому молодежи приходится находить возможности к проживанию и таким путем.

Как-то парни одной группы предложили мне съездить посмотреть на Хуанхэ. До этого я как-то обмолвился, что хотелось бы посмотреть на эту реку, тем более что наш город расположен у ее устья. Студенты нашли мне велосипед, и мы отправились в путь.

На берегу Хуанхэ

Фото из личного архива автора

Действительно река была не очень далеко от города. Сначала мы проехали мимо бескрайних полей с «гусями» нефтеразработок. Потом добрались до большого вантового моста и увидели широкий мутный поток между двух вязких от мокрой глины берегов. Нам с трудом удалось найти более-менее безопасный подход к самой воде.

Мои занятия в Нефтяном университете шли своим чередом, не сильно обременяя меня, поскольку один час в неделю на первом и на втором курсе были чистой профанацией. Я старался делать их интересными, но отдачи не чувствовалось. Принимать экзамен у этих студентов я отказался – какие могут быть экзамены после 10-12 часов занятий. Некоторые из студентов не могли произнести ни слова, хотя справедливости ради следует сказать, что две-три девочки в каждой группе кое-что из школьной программы помнили. И все-таки за полгода мы привыкли друг к другу. Поэтому перед отъездом мы очень трогательно распрощались с учениками, которые собирались уезжать на зимние каникулы, а мы должны были отправиться в другое место работы.

Прощание с группой студентов
Фото из личного архива автора

Ребята приходили прощаться целыми группами. Но особенно растрогал меня своими словами парнишка небольшого роста Чжун Мин, который добросовестно посещал у меня все занятия, хотя конечно же не выделялся в знаниях русского языка. (На фотографии он в нижнем ряду слева). Да и откуда ему было получать эти знания, если этот парень вырос в деревне провинции Сычуань, и вообще неизвестно каким образом смог получить полный курс образования средней школы.

Адрес на память

Фото из личного архива автора

Очень скромная, до невозможности стеснительная на занятиях девушка по имени Ци Чуньхуэй, когда группа уже стала уходить, отозвала меня в сторонку, тихонько вручила мне маленький сувенир и, сильно волнуясь, передала письмо, в котором я чуть позже прочитал:

«Уважаемый учитель:

Знаете ли вы песню, в которой есть такие строчки: «...человек – это зерно, где остановится, там пустит корни. Ветер уносит тебя, упавшие листья падают к корням...». Вот и все так, как в песне, наш любимый иностранный преподаватель (Вы), собираетесь вернуться в объятия родины. Хочу высказать то, что у меня на сердце: «Мы очень не хотим расставаться с вами».

Ваши сердечность и искренность по отношению к людям, ваше добросовестное отношение к работе, вызывают преклонение перед вами. Ваш прекрасный голос и обстановка, когда вы учили нас петь русские песни, оставили незабываемые впечатления. И все это будет прекрасным воспоминанием в будущем.

Когда вы учили меня правильному произношению, я даже боялась открыть рот, но ваши слова «Если вы хотите научиться плавать, то обязательно нужно прыгать в воду» вдохновили меня. Эти слова звучат в моих ушах до сих пор. Я мечтаю о том, что когда-нибудь наступит тот

день, когда я смогу поехать в Россию. И хотя я не знаю, смогу ли я когда-нибудь осуществить свою мечту, но я для этого приложу все усилия, чтобы выучить русский язык.

Сегодня я дарю вам этот талисман, чтобы он всегда оберегал вас.

Счастливого пути! Спокойствия и благополучия из года в год!

(Я в Китае всегда буду молиться за вас)

Ваша китайская ученица Цзи Чуньхуэй. 1995.01.06.»

Я специально сохранил даже форму написания китайского письма, когда они вместо восклицательного знака после обращения ставят двоеточие. На обратной стороне письма она написала свой университетский и домашний адрес. Своим скромным талисманом, своим письмом, а еще больше словами, что «я всегда буду молиться за вас» она растрогала меня так, что какое-то время мы с ней потом даже переписывались. Она рассказывала о своей учебе, о своих прогулках, о том, как ездила с товарищами на гору Тайшань любоваться рассветом, а я простенько писал ей о своей дальнейшей работе. К сожалению, в то время еще не было ни интернета, ни мобильных, а поддерживать переписку по почте было не всегда удобно, поэтому и наша переписка постепенно сошла на нет. Но я всегда тоже буду молиться за эту китаянку, которая, как я понимаю, тоже помнит и молится за меня.

Дарина учится в китайской школе

После приезда в Дуньин я решил отправить дочку в китайскую школу, чтобы напрямую постигала китайский язык в общении с китайчатами. Так началась эпопея обучения Дарины в китайской школе. По моему предложению и с помощью отдела по делам иностранных специалистов в течение двух дней мы вели переговоры с директором начальной школы, которая находилась прямо на территории университета. Директор была сильно удивлена появлению такой ученицы и высказала сомнения, что наша ученица сможет работать по программе пятого класса своего возраста по причине полного незнания китайского языка, но я успокоил ее и предложил определить мою дочку в первый класс, где китайские малыши еще только начинали осваивать латинскую транскрипцию и знакомились с иероглифами.

Основной контингент здесь составляли детки работников университета, которые учились и получали учебники бесплатно. Сюда же приходили и маленькие дети из соседних домов, располагавшихся за пределами университета, родители которых за их учебу должны были платить. Мы проходили как работники университета, поэтому с нас денег тоже не взяли.

Учительница и ученица

Фото из личного архива автора

Нам выдали комплект учебников, и папа утром 14 сентября отвел свою дочь в китайскую школу. Получилось не 1 сентября, но мы же приехали в Дуньин чуть позже. Дарину вышла встречать ее учительница, которая ростом оказалась со свою новую ученицу. Потом учительница под аплодисменты своих учеников, которых едва было видно из-за столов, препроводила Дашу на почетное место в заднем ряду, на «Камчатке», и посадила рядом с одним мальчиком.

На «Камчатке» китайского класса
Фото из личного архива автора

На перерывах у дочери начались попытки общения одноклассников с их бесконечными «Халлоу!», с насильным вытягиванием из класса и подталкиванием со всех сторон, что очень не нравилось нашей недотроге. Почти все одноклассники приходились ей по пояс, поэтому картинка выглядела примерно в духе «Гулливер среди лилипутов». Но это было только начало.

Коридоров в этой школе не было, а двери и окна классов выходили прямо во двор. После нескольких попыток выйти из класса во двор школы Дарина привлекла внимание детворы вторых, третьих, четвертых, пятых и шестых классов. Старших классов в этой школе не было. В китайской начальной школе шесть классов, после чего часть детей, у кого есть возможности, может поступать в среднюю школу, где могут учиться в течение следующих трех лет. Самые продвинутые из них потом поступают, именно поступают, в старшие классы, где могут учиться еще три года.

Появление Дарины во дворе школы вызвало такой ажиотаж, что ей буквально не давали пройти по двору. Толпа ребят ходила за ней по пятам, порой не давая ей даже войти в свой класс. Бесцеремонность китайцев начинается уже с детства. Учителям первое время с трудом удавалось после звонка отогнать любопытных.

Посмотреть на диковинную светловолосую «белую куклу» приходили не только ученики всей школы, но и сами учителя. Пробегая мимо окон Дашиного класса, они непременно останавливались и некоторое время смотрели на заморское чудо, сидящее в классе.

После первого дня занятий Дарина пришла домой со слезами:

- Я в эту школу больше не пойду!
- Дашенька, что случилось? – пытались выяснить родители.
- Почему они меня все трогают?
- Как так трогают?
- А вот так трогают.

И дочка показала, что дети постоянно прикасаются к ее курточке, к рукам, даже к косичке, чтобы удостовериться в реальности происходящего. Понятно, что такая бесцеремонность не могла понравиться нашей капризной дочери.

– Хорошо, Дарина, я завтра пойду, поговорю с учительницей или с директором школы.

Первый класс в китайской школе

Фото из личного архива автора

Постепенно дочка успокоилась и стала рассказывать о первом дне занятий, которые ей, как оказалось, очень даже понравились, потому что во время занятий она никого не понимала, и ее никто не понимал, а значит, в отличие от других учеников, учительница ее и не спрашивала.

– А что же ты делала?

– Я сидела и разглядывала деток. А когда все писали в тетради, я смотрела, что пишет мальчик, сидящий рядом, и писала то же самое.

– Правильно делала. Молодец! – похвалил папа. – Так и продолжай, пока не начнешь понимать некоторые фразы учительницы.

На следующее утро папа опять отвел уже успокоившуюся дочку в школу, поговорил с ее учительницей, попросив ее объяснить ученикам, что трогать другого человека некрасиво. Неизвестно, что говорила учительница, но Дарина и на этот раз явилась домой со слезами на глазах.

– Ну что опять случилось? – забеспокоились родители.

– Зачем они шли за мной всю дорогу от школы до дома?

Ну что тут было говорить. Ситуация понятна взрослым, но для ребенка каждое такое действие кажется странным.

– Послушай, дочка, ты помнишь, как на улице маленький ребенок назвал тебя «кукла»? То есть для него ты была чем-то непонятным, странным, поэтому он, увидев тебя, даже перестал плакать и сказал: «Ва-ва!», что по-китайски означает «кукла». Так и для учеников школы, которые никогда не видели белого человека, твое появление тоже выглядит очень странным, невиданным доселе явлением. Среди них нет людей с голубыми глазами и светлыми волосами, поэтому ты для них, как кинозвезда. Вот ты и веди себя соответственно. Не обижайся и не капризничай. Они постепенно привыкнут и будут общаться с тобой так же, как и со всеми.

Мысль о том, что она «кинозвезда» пришлась дочке по душе. Еще пару дней она по-прежнему капризничала, но постепенно все привыкли: Дарина ко всеобщему вниманию, а дети к тому, что у них в школе есть иностранка.

Дарина без затруднений справлялась с заданиями по программе первого класса, особенно по математике, иногда даже подсказывала своему соседу в решении простеньких примеров, а он в свою очередь помогал ей открывать учебник по чтению на нужной странице, когда нужно было читать. Чтение она усваивала в общем хоре, когда ученики по китайской манере читали какие-либо тексты вслух хором. Иногда она выполняла эти действия и персонально под аплодисменты одноклассников, тем более что в учебнике первого класса под иероглифами был текст на латинизированной транскрипции. Ребята подружились с ней и относились к ней очень доброжелательно.

В один из дней уже после школы кто-то заскребся в нашу дверь так, что мы даже не сразу поняли, в чем дело. Привыкшие к почти бесшумному появлению девушек-горничных, которые время от времени убирала у нас в номере и приносили термосы с кипятком, мы все же каким-то образом успели засечь эти звуки.

Каково же было наше удивление, когда на пороге нашей квартиры нарисовалась делегация китайских пионеров во главе с очаровательным созданием, которое, извинившись, стало выяснять, дома ли «цзецзе» (старшая сестра), и можно ли с ней пойти поиграть на улице. Это оказались дети уже более родственного дочке по возрасту 4-го класса. Было не совсем понятно, от кого исходила инициатива их появления, то ли от управления школы, то ли была личная инициатива ребят, но мы поняли, что Дарина твердо взята под опеку маленькой командиршей Ся Сяочэнь с ее друзьями, которые стали появляться перед нашей дверью всякий раз, когда у них появлялось свободное время после занятий. Мы назвали их по-своему «тимуровцами».

Друзья нашей дочки

Фото из личного архива автора

Иногда Даше приходилось «перебирать харчами», поскольку приходили вовсе незнакомые ей мальчики и девочки. Ей нравилось с ними играть, но мешало незнание языка. Поэтому минут через десять после их ухода на улицу на лестнице опять слышался топот большого числа ног и появлялась все та же делегация. А Ся Сячэнь просила меня:

– Дядя, скажите ей, что мы играем в такую-то игру, и ей нужно делать то-то.

Я старательно объяснял дочке, что ей нужно делать в этой игре. Проходило еще полчаса, топот на лестнице возобновлялся, но на этот раз уже Дарина просила:

– Папа, скажи им, что нужно прыгать через веревочку по очереди.

Фото из личного архива автора

Так продолжалось в течение почти каждого вечера. Успехи дочери в познании языка были пока скромные. Каждый раз учительница, по договоренности со мной, писала для меня в Дашиной тетради о том, что они делали на уроках и какое дано задание на дом. Поэтому после занятий дома нам приходилось все повторять вновь. При этом Даша старательно выполняла задание, опасаясь ударить в грязь лицом перед своими маленькими одноклассниками.

Фото из личного архива автора

Фото из личного архива автора

К сожалению, слова учебных текстов были мало употребляемыми в повседневной речи, а попытки научить ее отдельным репликам не приносили успеха. Зато сама дочь иногда приносила из школы какое-либо словосочетание, которое часто слышала на занятиях. Приходилось ей все объяснять.

Однажды она даже поставила и папу в тупик, когда сказала, что учительница во время занятия довольно часто употребляет слово «Таоянь!» Причем произносит это очень сурово в тех случаях, когда ученики начинают галдеть. Папа такого слова не знал, и лишь через некоторое время познакомился с этим словом, аналог которого в русском языке и найти-то было сложно. Оно означало «несносные, противные», но в китайском языке употреблялось для успокоения класса, а значит выглядело примерно, как грозный окрик русского учителя «Что такое?» или «Успокойтесь!».

Чтобы наш ребенок не пропустил года учебы в своей родной школе и не отстал от своего класса, мы взяли с собой учебники пятого класса и занимались с дочкой самостоятельно по русскому языку, литературе, математике и английскому языку по программе своей школы.

Уже через месяц Дарина изучила латинский алфавит и с большим интересом приступила к написанию иероглифов, хотя и не понимала необходимости их постоянного прописывания дома для полного запоминания.

Очень активно мы отмечали в этом году день рождения Дарины. В первый день весьма неожиданно появилась «команда Тимура» в лице все той же уже знакомой нам Ся Сяочэнь со своими друзьями. К счастью, мы заранее уже сходили на рынок, поэтому мама быстро накрыла на стол и получился очень веселый праздник для детей. Ребятишки не только покушали, но и активно веселились.

Фото из личного архива автора

День рождения дочери

Фото из личного архива автора

Когда я в тот день вернулся с занятий, а они у меня заканчивались поздно, около девяти часов вечера, то праздник был еще в разгаре – танцевали от души. Обеспокоенные долгим отсутствием своих детей китайские мамы вскоре появились за забором у нашего балкона, требуя вернуть загулявших детей домой.

На следующий день для Дарины выделили торт от «министерства» по делам иностранцев. Торт мы там же и приговорили вместе со всем составом данного «министерства». «Министерством», свой отдел по работе с иностранцами назвал переводчик Алеша еще при нашей первой встрече, поэтому мы не упускали возможности посмеяться над таким величественным названием этого отдела.

Вечером того же дня мы уже праздновали у себя дома с нашими знакомыми, молодой преподавательницей русского языка Лю Ли и Сяо Чжоу, девушки, работающей в библиотеке, но когда-то тоже изучавшей русский язык. Чуть позже, узнав о том, что у Дарины день рождения, пришли и молодые американцы, которые еще в коридоре дружно пропели «Happy birthday to you!». Потом сели за стол и вкусили коньячку, который я им налил, чему они были приятно удивлены.

Телевизор мы смотрели редко, потому что мама с дочкой не понимали китайского языка. И тут появилась «Мэйнян». Нет, это не моя коллега, не моя студентка и не одноклассница Дарины. Это имя героини одного долгоиграющего тайваньского сериала, который неожиданно разрешили показать в континентальном Китае. Телесериал о полумифической жизни У Цзэтянь, единственной официально правящей императрицы Китая в эпоху династии Тан, был снят в виде сказки с элементами боевых искусств, большого количества любви, поэтому на него сразу же запало все население Китая. Сериал был снят замечательно для того времени, действия были очень динамичными, были красивые костюмы и декорации. Актеры играли отлично, а об актрисе, которая играла главную героиню, вообще молчу – она нас покорила.

Показывали несколько серий два раза в день – вечером один раз, а днем повторение, поэтому не трудно было заметить, что смотрят этот сериал везде, где только есть телевизор. Не стала исключением и наша семья. Но поскольку он шел на китайском языке, то на меня ложилась дополнительная нагрузка быть переводчиком. Лишь с большим трудом через десять с лишним лет мне все-таки удалось купить пиратскую копию этого сериала.

А тогда мы смотрели этот телесериал через пятое на десятое, поскольку были и другие дела, да и понять трудный, иногда довольно специфический текст с элементами древнекитайского языка для меня в то время было трудно. Но мы никак не думали, что сами скоро станем героями кинофильма, правда, короткометражного документального.

Сначала переводчик Алеша все из того же своего «министерства» как-то туманно намекнул, что сотрудники телецентра в Дуньине хотели бы снять небольшой фильм о нашей семье. Я думал, что это будет что-то по учебным занятиям, как уже было на занятии у одного из американских парней, когда работники университета снимали на камеру одно из его занятий. Однако я ошибся.

Как-то вечером перед католическим Рождеством вдруг в университет приехала съемочная группа, работники которой буквально без предупреждения вломилась в наш номер и без всякой подготовки и каких-либо объяснений начали съемку. Естественно, я пригласил их в комнату, посадил на диван дикторшу с микрофоном, а оператор с камерой на плече все это время непрерывно снимал. Девушка задавала какие-то банальные вопросы о нашей семье, о том, где я изучал китайский язык, давно ли мы живем в Китае, нравится ли нам жить здесь и т.д. Очень много времени уделили рассказу о том, как Дарина пошла учиться в китайскую школу и о тех проблемах, которые с этим были связаны. Оператор несколько раз снял интерьер нашей гостиной, уделив особое внимание на висящий на стене портрет китайской актрисы Гун Ли и на нашей семейной фотографии, стоявшей на моем письменном столе.

В заключение мы договорились о том, что съемки продолжатся и на следующий день, но уже будут разбиты по тематике: сначала снимут момент, как Даша идет в школу, потом будут снимать ее занятия, потом мою поездку в город, наш поход на рынок, приготовление пищи и беседу за общим столом.

Уже с утра мама тщательно заплела Дарину, которая отправилась быть актрисой в соответствии с тем, что ей когда-то было обещано, когда она со слезами начинала ходить в китайскую школу.

Для школы в тот день был настоящий праздник: оператор снимал весь ее класс, снимал, как Дарина читает текст, как все ее одноклассники хлопают ей, снимал беседу с сияющими по такому поводу учительницей и директором школы, которые тоже были счастливы неожиданно оказаться в центре внимания, да еще и быть показанными по телевизору.

Затем некоторое время меня терзали в микроавтобусе во время поездки в город. Съемки на рынке произвели некоторый фурор, потому что я стал активно торговаться, покупая овощи и фрукты, а продавцы-китайцы перед камерой не уступали мне в розыгрыше. Выглядело это довольно комично для всех участников этих сцен.

После рынка все пришли снимать приготовление пищи. Прибежала поднятая по тревоге наша помощница Лю Ли. На кухне стоял дым коромыслом! Но вот вернулась из школы Дарина, и мы все вместе с девушкой, которая брала интервью и даже с оператором, который через некоторое время присоединился к нам, стали дружно обедать.

Мы очень просили телевизионщиков подарить нам отснятый материал, и они даже клятвенно обещали через отдел по работе с иностранцами сделать это. На том и распрощались.

Но выполнять обещания китайцы не умеют. К сожалению, демонстрацию этого фильма нам удалось увидеть лишь через месяц перед Праздником Весны. При этом никто не сообщил нам о показе по спутниковому каналу провинции Шаньдун. Просто однажды я, как обычно,

щелкал по каналам и неожиданно наткнулся на этот показ. Смотрели не сначала, поэтому мы были сильно разочарованы таким нечутким отношением. Я сразу же позвонил в «министерство», рассказал о том, что фильм продемонстрировали, не сообщив нам. Через некоторое время нам сообщили, что этот фильм будут показывать еще раз, а потом привезут нам запись. Запись действительно привезли, но и фильмом и записью разочаровали нас, поскольку из всех съемок в течение двух дней получились какие-то бессвязные отрывки не самых лучших эпизодов.

После праздников в конце семестра одноклассники дочки, узнав о том, что мы уезжаем, со слезами на глазах тепло распрощались с Дариной, засыпав ее разными мелкими сувенирчиками на память.

Наша дочка через неделю после приезда на другое место моей работы в городе Чанчунь точно также пошла учиться в школу при этом институте. Активного общения с учениками, как это было в Дуньине, здесь не получалось – сказывалось отдаленность проживания школьников от их школы. Зато ее подругами с удовольствием стали сами молодые учительницы младших классов, а через некоторое время и мои студенты.

Среди одноклассников
Фото из личного архива автора

С новой учительницей
Фото из личного архива автора

Возвратившись в этом году в свою школу Дарина стала «звездой» и здесь, потому что ее просили рассказать о своей поездке в Китай и учебе в китайской школе сначала перед учениками, потом перед преподавателями. В дальнейшем Дарина продолжила изучать китайский язык в институте и даже приезжала на год на стажировку в Пекин.

Переезд в город Чанчунь

Один семестр в следующем году я продолжил работать в городе Чанчунь, куда мы вскоре переехали из Дуньина. Получилось так, что Чаньчуньский период у нас тоже начался в Пекине, поскольку там нас встретил начальник отдела по работе с иностранцами господин Кан. Это было очень кстати, потому что он не только помог нам на пару дней поселиться в гостиницу, в которой проживал сам, но и помог отправить наши, уже ставшие громоздкими вещи, ведь мы большую часть закупок, для дома для семьи, сделали заранее.

В то время я очень беспокоился, как мы сможем увезти все с собой на поезде. Но господин Кан оказался стреляным воробьем в транспортных делах своего государства и, как все нормальные герои, пошел в обход. Он предложил отправить все это багажом. Под его опытным руководством мы отвезли все свои мешки, сумки и чемодан, оставив лишь самое необходимое, и сдали в какой-то темной посреднической багажной конторе, которая занимается отправкой и через 15 минут уже уехали оттуда. Судя по виду этого сараюшки, где мы оставили свои вещи, за сохранность вещей в тот день я бы не дал и гроша ломаного.

Но, как показала практика, напрасно я так думал: все дошло в лучшем виде. В Чанчуне я получил вещи в такой же очень странной конторе, находящейся недалеко от вокзала. Работники уже этой конторы сами погрузили мои вещи на грузорикшу и, успокоив меня, отправили домой ждать их прибытия. Мои вещи прибыли чуть позже меня. Как оказалось, по бедности и простоте нельзя судить о честности. Это одна из неплохих особенностей Китая.

Господин Кан тоже доставил нашу семью в Чанчунь в лучшем виде, а на вокзале нас уже ждала машина, которая привезла нас почти на окраину города в район Чанчуньского университета. Чанчуньский институт оптики и точной механики, в котором мне предстояло работать, находился рядом. Правда, на этом все обхождения и закончились.

Когда мы покидали Шаньдун, там уже начиналась весна, но когда явились в Чанчунь, то здесь во всю еще царствовала зима. Причем, очень холодная с ветрами и метелями. Температура воздуха была холоднее, чем в Москве от минус 5 до минус 10 градусов. К сожалению, на этот раз нам предоставили насквозь продуваемую квартиру на первом этаже общежития Чанчуньского университета, видимо, по договоренности с их руководством. В первую же ночь мы сильно замерзли, потому что включенные вечером батареи центрального отопления через час уже стали холодными, а через несколько часов в квартире стало холодно, как в подzemелье, даже пар шел изо рта.

Все попытки апеллировать к отделу по делам иностранцев не привели к успеху. Нам отвечали, что такой порядок: отопление дают два раза в сутки, для того чтобы заснуть и для того чтобы, проснувшись, не покрыться льдом. Горячая вода тоже поступала лишь один час в день, да и то по-настоящему горячей ее назвать было трудно. Приходилось нагревать специально воду, для того чтобы хоть как-то помыться. Пришлось вспомнить нашу забытую советскую молодость, обзавестись оконной замазкой и утеплить хотя бы окна. Кстати сказать, двойных рам на окнах в Китае вообще не бывает. Стало немного теплее, но спать все же приходилось по-китайски тепло одетыми. И вставать в пять часов утра, чтобы выпустить холодную воду из батарей. Надо полагать, жители верхних этажей были нам за это благодарны, но для нас это было слабым утешением. Кое-как приспособились и к этим условиям.

Здесь занятия начались почти сразу же. Мне предстояло преподавать не студентам института, а студентам специальных курсов русского языка. Такие курсы были широко распространены в Китае, особенно на северо-востоке, когда началась приграничная торговля. В это время многие как китайцы, так и русские стремились обогатиться на торговле дешевыми китайскими товарами. Сразу же возник дефицит людей, знающих русский язык, и правительства этих провинций стали выделять государственные средства на организацию обучения русскому языку.

Еще больше возникало мифов о быстром богатстве, связанных с этим, поэтому многие родители стали отправлять своих детей, которые не смогли поступить в вузы, на подобные курсы изучать русский язык, без получения высшего образования.

Меня представили молодому человеку довольно аккуратной наружности, которого объявили заведующим кафедрой русского языка. Господин Шэнь, так звали этого молодого человека, предложил мне вести разговорную практику на первом курсе – 4 часа в двух группах и на втором курсе – 2 часа в двух группах и страноведение на русском языке на втором курсе – 2 часа в двух группах. Нагрузка получилась большая. Но еще хуже было то, что материалов, как и раньше, не было никаких, никаких программ и тематических планов.

Молодежный коллектив преподавателей-русистов
Фото из личного архива автора

«Где наша не пропадала, – подумал я, – зато полная свобода действий». С речевой практикой было немного проще, посоветовали опираться на тот учебник, по которому вели занятия их китайские преподаватели. А вот по страноведению, да так чтобы это было хоть немного доходчиво для этих студентов, было сложнее. Пришлось «изобретать велосипед». Шэнь нашел какой-то доисторический учебник по географии для школы, и я стал сам писать простенькие тексты и придумывать на их базе хоть какие-то упражнения.

Познакомился с группами. Группы были очень большие по 20 с лишним человек. На втором курсе студенты постарше, но не всегда их знания лучше. Одна группа, в которой преобладали мальчики и было лишь 9 девушек, из них что-то более-менее понимали лишь две-три девочки и один мальчик. В другой группе, где было только 6 пацанов, а остальные девочки, было немного лучше, но все равно способны работать лишь половина учащихся.

Фото из личного архива автора

Знакомство состоялось по одной и той же схеме простеньких вопросов, во время которого девичья группа все же была чуть поактивнее. Во многом помогало свое знание китайского языка. Потом в оборот пошел учебник с играми, и дело закрутилось. Студенты сначала были немного ошарашены необычной форме занятий, но потом с радостью взялись за работу. В основной своей массе занимались с интересом и желанием. Вот как они сами оценивали наши занятия:

«Мы очень рады, что вы учите нас устной речи в этом семестре. Мы все очень любим вас и ваши занятия. Мы считаем, что занятия устной речью для нас большое удовольствие и мы с нетерпением ждем их. С вами легко обмениваться мыслями, потому что вы умеете говорить по-китайски. Нам очень повезло, что мы можем заниматься с вами. Цзинцзин.

«С того времени, как вы стали работать у нас, у меня интерес к русскому языку растет с каждым днем. Вы всегда выслушиваете нас, помогаете каждому из нас и воодушевляете нас. Форма ваших занятий очень живая и интересная. После каждого занятия у меня есть задание. Я очень надеюсь, что вы сможете остаться и дальше преподавать у нас. Я очень благодарна вам. Лю Юйфу.

Но среди учеников есть и балласт, которых родители отправили учиться, ведь курсы платные, но сами детки заниматься не могут или не хотят. Большой бедой стала попытка дать задание на самостоятельную работу. К этому они изначально не приучены. А без самостоятельной работы изучить иностранный язык очень трудно. После обсуждений в классе я давал им простенькие темы для сочинений, но далеко не все потом сдавали эти сочинения на проверку, уваливая от этой работы под разными предлогами. После такого отношения китайских учащихся к учебе я никак не мог поверить словам специалистов, работавших в Китае в 50-е годы. Ведь они почти все утверждали, что китайские ученики очень трудолюбивы и исполнительны. «Мы не успевали дать им одно задание, как уже вечером или на следующий день они требовали дать им новое задание, которое старательно выполняли», – так или примерно так рассказывали советские специалисты-преподаватели о своей работе в Китае в те годы.

Из-за большого количества людей пришлось поделить группы на подгруппы и устроить между этими подгруппами соревнование. Давалось задание каждой подгруппе, поэтому сначала происходило обсуждение в этих подгруппах, в котором вынуждены были принимать участие даже тугодумы и лодыри, потому что им тоже не хотелось подводить своих товарищей. Преподавателю оставалось лишь прислушиваться к их работе, поправлять по ходу работы и делать общие замечания. После обсуждения в группах, одни задавали вопросы, другие отвечали, потом менялись местами. В конце занятия я подводил итоги этого соревнования. Такая работа оказалась довольно эффективной в данных обстоятельствах. Китайцы самолюбивы и соревнуются, стараясь победить, с большим азартом.

Трудно было сказать, какие ученики для меня лучше, пекинские, которые тоже занимались по такой же схеме спецкурсов, или чанчуньские. Со студентами Нефтяного университета сравнивать было невозможно – там своя специфика.

Эти, в отличие от моих пекинских учеников, не стали объясняться в любви ко мне, какое-то время присматривались, но уже вскоре стали говорить, что такие занятия им нравятся, а через некоторое время уже стали выяснять:

– А вы будете с нами работать до конца нашей учебы?

Уже после первых занятий я попросил их написать мне письменную работу, в которой на русском языке рассказать немного о себе. Я знал, что устно рассказать о себе для них будет трудно, а во время написания можно будет подумать, посмотреть в учебник, найти нужное слово в словаре, поинтересоваться у своих товарищей. Таким образом, практическая польза получается больше. Писали много, но я приведу лишь некоторые примеры, исправив ошибки в русском языке.

Девочка по имени Чжан Сяоминь написала: «Наша семья пережила много трудностей. Семья сначала жила далеко от города в глухом селе. Папа работал на земле. Несмотря на его упорный труд, наша семья жила очень бедно. Такая жизнь продолжалась до 1979 года. Потом наша семья переехала в город. Мама стала работать учителем, а папа – рабочим на заводе. Мы с сестрой смогли учиться в школе и получили хорошее образование. Все это стало возможным благодаря помощи моего деда. Вся семья никогда не забудет прошлую жизнь. Она учит нас, как дорожить сегодняшней счастливой жизнью».

А вот что рассказал студент Вэй Годун: «В нашей деревне учеников мало. Я – первый студент. Для меня и моей учебы папа и мама работают день и ночь».

Такие учащиеся, студентами их называть можно с большой натяжкой, как правило, учились старательно, прекрасно понимая, что их родителям приходится зарабатывать и платить за их обучение.

Лида Ян Сяохау рассказала о своей семье: «Сейчас наша большая семья живет в общем дворе. Три маленьких семьи. Двор наполнен счастьем. Летом все часто сидят во дворе, разговаривают, смеются. Под виноградной лозой едят фрукты и овощи. Зимой здесь же встречают Новый год. В такое время бывает очень шумно».

Тоже довольно интересное признание. Это значит, что еще их бабушка когда-то построил дом, помещения которого постепенно поделил на своих сыновей. Китайский дом – это маленькая крепость, потому что своими глухими стенами без окон, он отгорожен от других домов. Окна выходят лишь в свой маленький дворик, который к тому же глухим забором отделен от улицы. Вся жизнь семьи проходит в этом дворике, в комнаты уходят только на ночь.

Рассказывая о себе, некоторые поясняли происхождение своего имени, что тоже довольно интересно, ведь люди стараются связать имя ребенка с какими-то обстоятельствами и придать какое-то значение:

«Я родилась в золотую осень, поэтому родители хотели, чтобы моя жизнь была полна смехом, радостью и счастьем, поэтому и назвали Ван Сяоцю (Веселая осень)».

Эта «Веселая осень» после окончания учебы приехала в Пекин, где я работал позже, и сначала работала переводчицей на так называемом «русском рынке» Ябаолу, а потом и сама открыла там небольшой магазинчик, вышла замуж, купили с мужем квартиру в пригороде Пекина и остались там жить.

«Раньше я думала, что значение последнего иероглифа в моем имени Цзе (выдающаяся), но недавно моя сестра сказала, что на самом деле бабушка и дедушка хотели, чтобы я прекратила традицию рождения девочек в нашей семье и предопределила им рождение внука, поэтому мой иероглиф совсем другой Цзе (очищение). Не знаю почему, но у них сейчас действительно есть внук, – написала Лариса (Люй Лицзе).

С этой девушкой мне тоже через несколько лет удалось встретиться, когда она уже жила в своем родном городе Харбине и работала в банке. Она с большим удовольствием знакомила меня со своим городом. Вместе с ней мы осмотрели уникальный в своем роде «Ледяной городок».

«Я люблю петь, танцевать, заниматься спортом, особенно баскетболом, потому что это очень ожесточенная и бескомпромиссная борьба. Я надеюсь стать хорошим торговцем. Я считаю, если хочешь стать хорошим торговцем, обязательно надо иметь сильную волю. Я уверена, что обладаю предприимчивостью и твердостью. Река Сунхуа дала мне прямой и открытый характер», – писала Зина (Цзян Ясинь).

И она действительно стала торговцем, когда вместе со своим другом, тоже бывшим моим учеником, приехали в Пекин и работали на рынке Ябаолу.

«Каждое утро я бегаю на стадионе нашего института. Я люблю петь, очень люблю, и часто исполняю песни на вечерах. Люблю рисование, но редко рисую. Я – веселая девушка. Я люблю помогать другим, когда у друзей есть трудности. Еще в школе я не очень любила русский язык, но так как успехи по русскому были всегда высокими, меня и приняли в институт. Я люблю разговаривать с русским преподавателем. Надеюсь, что в будущем стану переводчицей».

Наташа (Ван Цинцин) переводчицей не стала, пошла работать в компанию по продаже квартир в Пекине, что для нее стало более выгодным делом, но иногда кое в чем помогала и мне, когда у меня были трудности.

Еще одной моей ученицей, которая работала на рынке Ябаолу была Аня (Лю Лиин). Во время учебы она писала: «Мой характер находится между открытым и молчаливым. Когда у меня хорошее настроение, я люблю разговаривать с друзьями. А если печально, то люблю быть одна, слушаю музыку, думаю и даже плачу. Я люблю общаться с честными, добрыми и веселыми людьми. Я думаю, что со временем вы меня узнаете».

Действительно, с Аней мы стали хорошими друзьями и во время учебы, и во время ее работы в Пекине. Девушка была настолько активной и предприимчивой, что очень быстро из простой переводчицы на рынке стала хозяйкой большого обувного магазина. Но возможно нагрузка была настолько велика, что через некоторое время она заболела и умерла от рака. Было очень больно осознавать раннюю гибель Ани. Во время одной из поездок в Харбин, мы вместе с ее подругой в память об Ане в месте ее захоронения сожгли букет цветов. В Китае при поминании умерших их родственники и друзья сжигают бумажные (фальшивые) деньги, сжигают принесенные цветы в специальных печах при колумбариях, как бы передавая все это в загробный мир для умершего человека, поскольку свято верят в загробную жизнь в соответствии с понятиями своей философии или буддистской религии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.